АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
19 (82)

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
(ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1969

И. И. Цукерман

ВАРИАНТНОСТЬ КАК ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ЛИМИТ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

1

Рассматриваемая в настоящей работе проблема не нова, она давно занимает языковедов.[1] В статье развернут конкретный материал с целью выделить некоторые аспекты вариантности языковой системы и в первую очередь подчеркнуть значение диахронического лимита, наличного в любом синхроническом срезе. Нижеследующие заключения выведены главным образом из анализа текстов на курдском языке, составленных природными курдами в начальный период фиксации курдской речи средствами пофонемного письма.

Любая языковая система, посредством которой осуществляется общение, вариантна. Это само собой разумеется в отношении совокупности родственных диалектов, определяемых как язык, но это также приложимо и к литературно развитому нормализованному языку, и к отдельно взятому диалекту любой дробности, и к языку отдельного человека. У одного и того же лица в пределах определенного текста возникают два, три и большее число вариантов одной и той же языковой единицы в одних и тех же условиях, тогда как другие единицы повторяются без вариации, т. е. остаются, по-видимому, неизменными.

Речь идет, таким образом, о колебаниях, свободном варьировании, о неполном осуществлении, незавершенности определенных языковых процессов в силу того, что с ними скрещиваются, сталкиваются подобные же языковые процессы, но действующие в ином направлении. Варианты и являются материальным выражением противоречивых тенденций. Это относится ко всем сторонам языка — к фонетике, грамматике, лексике, и, следовательно, за вариантностью всегда стоят соответствующие процессы — фонетические, морфологические, синтаксические и т. д.

Автор изучал ряд учебных пособий на курдском языке, составленных одним и тем же лицом — Г. Г. Пехлеви — в начале 30-х годов

[1] Вопросы вариантности в связи с динамическими процессами в языке систематически разработаны, например, во многих работах И. А. Бодуэна де Куртенэ, начиная с ранних, относящихся к прошлому веку. См. вступительную статью Вит. Дорошевского „Об И. А. Бодуэне де Куртенэ“ в кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ, Избранные труды по общему языкознанию, I, II, М., 1963 (в особенности т. I, стр. 22 и сл.). Ср. также работу В. Матезиуса, опубликованную в 1912 г. в Праге; русский перевод: В. Матезиус. О потенциальности языковых явлений. Сб. „Пражский лингвистический кружок“, М., 1967, стр. 42—69. Из последних исследований см.: Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966; Р. П. Рогожникова. Варианты слов в русском языке. М., 1966.

в Ашхабаде для курдов Туркмении, говорящих на хорасанском курманджи (на одном из говоров северного наречия курдского языка). Г. Г. Пехлеви стремился единообразно[2] (однозначно) отразить речь курдов Туркмении средствами принятой тогда для советских курдов латиницы, не имея в этом деле предшественников. И все же его тексты отличаются исключительной вариантностью. Чем она вызвана? Возможно, что, если бы деятельность Г. Г. Пехлеви продолжалась, вариантность с течением времени в известной мере сгладилась бы. Но замечателен именно первый период фиксации речи, когда вариантность еще не стерта навязанным письменной традицией единообразием.

Автор имел также возможность тщательно изучить рукопись известного курдского писателя Араба Шамилова, составленную им в середине 30-х годов, спустя 6—7 лет после принятия письменности для курдов Армении. Письмо курдов Армении и сейчас еще нельзя считать устоявшимся, а тогда тем более. Поэтому рукопись А. Шамилова, представляющая собой первую редакцию воспроизведенных им на письме курдских сказок, с большой непосредственностью отражает вариантность его речи, хотя и не в такой мере, как книги Г. Г. Пехлеви отражают вариантность речи Г. Г. Пехлеви.

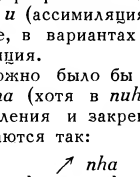
И тот, и другой материал, дающий представление об индивидуальной языковой системе, оценивается на фоне большого количества литературных и фольклорных текстов на говорах курдов Армении, издававшихся начиная с конца 20-х годов на протяжении около 40 лет.

2

Фонетические процессы вызывают варьирование фонем в корневых, словообразующих и формообразующих морфемах.

Слово *niha* [nəhâ] 'теперь' дано в четырех вариантах: наряду с исходным и наиболее часто встречающимся *niha* наличны также варианты *nha*, *nuha*, *naha*. Вариант *nha* отражает наибольшую степень редукции предударного гласного в соседстве с сонантом *h*. Два других варианта выражают прямо противоположный процесс закрепления гласного в связи с действием лабиализующей ассимиляции: губная артикуляция *a* проникает сквозь „прозрачный“ сонант *h*, превращая *i* либо в его огубленный коррелят *u* (ассимиляция частичная), либо же в *a* (ассимиляция полная). Точнее, в вариантах *nuha*, *naha* отражена „упреждающая“ губная артикуляция.

Поскольку вряд ли возможно было бы доказать, что путь к *naha* обязательно лежит через *nuha* (хотя в *nuha* и *naha* представлены, по-видимому, две ступени усиления и закрепления редуцированного *i*), наличные варианты располагаются так:



Иначе говоря, пучок синхронных вариантов (*nha*, *niha*, *nuha*, *naha*) обладает одновременно и диахроническим аспектом, представляя собой диахронический лимит для данной детали синхронической системы: соотношение исходного варианта *niha* с модификациями *nha*, *nuha*, *naha*. Необходимо, однако, не упускать из вида, что хотя ва-

[2] Можно доказать, что пишущий стремится к единообразию в передаче речи на письме, но необходимо исследовать, какие именно различия он идентифицирует. Например, всегда ли идентифицируются варианты фонем? А фонетические варианты морфем?

рианты в пучке соотносятся в диахроническом плане, они все же функционируют как варьирующая деталь системы синхронической.

Суть дела в данном случае не меняется от того, что для одного носителя языка исходным (или основным, фактически предпочтительным) вариантом представляется архетип, а для другого — один из неотипов.[3] Важно, что для говорящего варианты и равноправны (поскольку они фактически замещают один другой), и неравноправны (поскольку один из вариантов представляется видоизменением — часто нежелательным — другого).

Фонетический процесс лабиализации, о котором говорилось выше, затрагивает большое число слов.[4] Когда позади или впереди лабиализующего элемента оказывается морфема, включающая гласный *i*, соответственно образуются формы с варьирующими морфемами. Ср. *du+xwest* (< *di + xwest*) 'хотел' с вариантами префикса *di-* / [5]*du-*; *ez kuşt + um*(< *ez kuşt + im*) 'меня убили' с варьирующим окончанием *-im*/*-um*.

Фонетический процесс лабиализации способен еще глубже вторгаться в область морфологии, вызывая не только вариантность грамматических показателей, но и более существенные изменения в строении форм.

Так, разнообразную, и притом весьма существенную, вариантность (в пределах и речи индивида) дают формы настоящих времен глагола *xwarin* 'есть', с лабиализующим элементом *xw*. Уже в форме *di + xu + m* (< *di + xw + im*) 'ем' преобразование гласного исхода *i* в *u* не привело к появлению варианта окончания *-um* (< *-im*), а спровоцировало переразложение в составе морфем, в результате которого форма 1-го л. ед. ч. наст. вр. глагола *xwarin* переведена из согласного спряжения (*di + xw + im*) в гласное спряжение (*di + xu + m*).[6] Возникла новая основа *-xu-* с гласным исходом взамен старой основы *-xw-* с согласным исходом. Иначе говоря, фонетический процесс *di + xw + im* > *di + x + um* сопровождается морфологическим процессом *di + x + um* > *di + xu + m*. Фонетически допустимая форма *di + x + um* морфологически невозможна, и, таким образом, на поверхность она всплывает грамматически преобразованной, в виде *di + xu + m*, относясь уже к другому спряжению. То же касается и 2-го л. ед. ч. *di +xu + y* (< *di + xw + î*) 'ешь' и обобщенной формы мн. ч. *di + xu + n* (< *di + xw + in*) 'едим', 'едите', 'едят'.

Следовательно, в данном случае варьируют не формы с фонетическими вариантами морфем, а формы с разным морфологическим составом, относящиеся к разным типам спряжения:

$$di + xw + \hat{\imath} \,/\, > di + xu + y$$

---

[3] Ср. у К. К. Курдоева для одинаково варьирующих слов *biha* 'цена', *bihar* 'весна', *diha* 'еще', *niha* 'теперь' и т. д. в качестве основного (или предпочтительного) дан вариант с *î* в первом слоге (К. К. Курдоев. Курдско-русский словарь. М., 1960); у Ч. Х. Бакаева в качестве основного (или предпочтительного) дан вариант с *a* в первом слоге: *baha*, *bahar*, *daha*, *naha* и т. д. (Ч. Х. Бакаев. Курдско-русский словарь. М., 1957). Оба автора дают ссылки и на альтернативный вариант.

[4] Лабиализующее влияние оказывают гласные *u*, *a*, реже *û*, согласные *xw* [x^w], *w*. Это своеобразный губной сингармонизм ограниченного (односторонне-альтернативного) действия: преобразованию подвергаются, помимо подударного гласного (ср. *lawuk* < *lawik* 'юноша'), обычно либо гласные предударные, либо гласные заударные. Подробнее об этом см.: И. И. Цукерман. Заметки по курдской фонетике. Об ассимилятивном переходе *i* в *u*. Иранский сборник, М., 1963, стр. 159—165.

[5] Знак / означает в данной статье свободную вариацию.

[6] Согласное спряжение — спрчжение глагола с конечным согласным в основе: *di + bêj + im* 'говорю', *di + bêj + î* 'говоришь', *di + bêj + e* 'говорит', *di + bêj + in* — общая форма мн. ч.; гласное спряжение — спряжение глагола с конечным гласным в основе: *di + drû + m* 'шью', *di+drû+y* 'шьешь', *di + drû-* 'шьет', *di + drû + n* — общая форма мн. ч. В гласном спряжении окончание 3-го л. ед. ч. нулевое.

Диахронический лимит в этом случае действует явно в пределах морфологии.[7]

И все же возникшее для глагола *xwarin* рядом с согласным спряжением (*di + xw + im*, *di + xw + i* и т. д.) новое гласное спряжение (*di + xu + m*, *di + xu + y* и т. д.) не могло утвердиться, так как к нему оказалась неприспособленной форма 3-го л. ед. ч. *di + xw + e* 'ест'. Фонетические преобразования внутри *dixwe* не приводят к появлению новой формы с основой *-xu-* (**di + xu*),[8] и, таким образом, форма 3-го л. ед. ч. не в состоянии подключиться к новому гласному спряжению.

В результате новое гласное спряжение для глагола *xwarin*

1. *dixum dixun*
2. *dixuy dixun*
3. **dixu dixun*

оказалось некомплектным, дефектным, чреватым новым противоречием.

Далее. Рядом со старым согласным и новым гласным спряжением в тех же пределах индивидуальной речи отмечены такие варианты форм глагола *xwarin*, которые могли бы составить новую согласную парадигму, как будто бы преодолевающую неустойчивость, противоречивость двух предыдущих. Таковы формы *du + x + î* (<*du + xw + î* < *di + xw + i*) 'ешь', *du + x + e* (< *du + xw + e* < *di + xw + e*) 'ест' и т. п.[9] Однако и эти формы, по-видимому, не могут возобладать потому, что в их составе не может быть обосован префикс *du-*, не имеющий более опоры в последующем губном элементе.[10] Поэтому и третья (согласная) парадигма (*du + x + îm*, *du + x + î*, *du + x + e*, *du + x + in*) вряд ли может быть признана устойчивой, и в результате неминуемо обращение к старым, исходным формам.[11]

В общем итоге одни только формы глагола *xwarin* в настоящих временах в связи с действием ассимилятивной лабиализации дают подлинный „взрыв" вариантности, вариантный „веер". Ср. для 2-го л. ед. ч. наст. вр.:

---

[7] Может быть, именно поэтому формы *dixum*, *dixun*, *naxum*, *naxun* и т. д., в отличие от других фонетически ассимилированных форм (ср. *kuştum*), нашли отражение в орфографии курдов Армении, т. е. как-то „узаконены".

[8] Форма **dixu* могла бы появиться в результате распространения по аналогии, но этому препятствует непривычность неустойчивого *u* в исходе. С другой стороны, фонетически возможная форма **di + xa* (< *di + xw + e*) (ср. варьирующие *xa* / < *xwe* 'свой', *dixast* / < *dixwest* 'хотел', *dixand* / < *dixwend* 'читал' и т. д.) вызвала бы разнобой в основе [разные основы (*-xu-*, *-xa-*) внутри одной и той же парадигмы настоящего времени], и, что, возможно, еще более важно, — для формы настоящего времени **dixa* нет в говорах курдов Армении привычной аналогии; **dixa* скорее воспринималось бы как форма прошедшего времени какого-то глагола (ср. *dima* 'оставался', *dida* 'давал' и т. п.).

[9] Вариант префикса *du-* образуется на почве „упреждающей" губной артикуляции, которая как бы и вовсе перемещается из пределов последующего слога в предыдущий.

[10] Эти варианты носят временный, мгновенный характер. Сугубо окказионален, например, вариант *duxî*. Он появляется на почве *dixwî*, но не способен вытеснить *dixwî*, так как существует только в паре с ним: *duxî* [< *duxwî*] / < *dixwî*. Вообще преобразования в фонетическом облике непроизводных или малопроизводных основ предельно облегчены в сравнении с подобными преобразованиями в грамматических, в особенности формообразующих показателях. Такие изменения, как *niha* > *nuha*, *naha* 'теперь', *bihar* > *bahar* 'весна' и т. п. не затрагивают грамматики, остаются, в сущности, в пределах фонетики. Изменения же, подобные преобразованию префикса *di-* > *du-* или окончания *-im* > *-um*, должны быть „согласованы" по длинной цепи бесконечных парадигм.

[11] Если бы такая парадигма закрепилась, то это означало бы, что живое фонетическое чередование превратилось в историческое, что префикс *du-* из фонетически обусловленного варианта превратился в независимый морфологический вариант. Но такой диахронический разрыв ликвидировал бы и „мигание" в этом пункте системы — варьирование префикса *di-*/*du-* для соответствующих форм.

$$di + xw + \hat{\imath} \begin{cases} \nearrow di + xu + y \\ \searrow du + xu + y \\ \searrow du + xw + \hat{\imath} > du + x + \hat{\imath} \end{cases}$$

При этом все пять вариантов не только диалектно распределены, но и сосуществуют в пределах одного говора или даже речи индивида как диахронический лимит для одной из единиц данной языковой системы.

Только строгая нормализующая рука могла бы вернуть — разумеется, только письменный язык — к исходной согласной парадигме (*di + xw + im*). Но это означало бы не больше того, что вариантность, изгнанная из письма, продолжает гнездиться в устной речи. На письме же все свелось бы только к более сложным отношениям орфографии. Для того чтобы ликвидировать вариантность форм глагола *xwarin*, нужно „отменить" ассимилятивную лабиализацию в курманджи. А это вряд ли кому-либо доступно.[12]

3

Морфологическая вариантность находит для себя питательную базу не только в фонетике. Внутри морфологической системы борьба моделей и, в частности, процессы регуляризации и явления иррегуляризации приводят к варьированию отдельных словоформ и целых парадигм (для данной лексической единицы).

Так, любой курдский диалект (и это находит отражение в индивидуальной речи) изобилует многочисленными переходами глагольных основ из одного класса в другой.[13] Например, форма *jimirî* 'сосчитал' (относительно продуктивный класс с основой на *-î*) возникает параллельно исходному *jimart* (непродуктивный класс с основой на *-t*) без видимого изменения значения. Точно так же на грамматической основе (на основе грамматической корреляции) параллельно форме *qelaşt* 'порвал' (класс на *-t*) появляется вариант *qelişand* (относительно продуктивный класс на *-and*) с тем же значением 'порвал'. Мотивировка здесь такая: средствами некаузативного класса на *-î* осуществляется интранзитивация формы *qelaşt* 'порвал'. Образуется регулярная некаузативная форма *qelişî* 'порвался', а уже коррелятивно ей — регулярная каузативная форма *qelişand* с тем же значением 'порвал'. Иначе говоря, нерегулярное соотношение „*qelaşt* — *qelişî*" сменяется регулярным соотношением „*qelişî* — *qelişand*" и варьирует с ним.

Относительно продуктивный класс глаголов с основой на *-and* „перетягивает" в свой состав глаголы из непродуктивного класса на *-a*. Ср. *pêç'an / pêç'andin* 'свертывать', *k'olan / k'olandin* 'копать', *k'ilan / k'ilandin* 'сбивать (масло)' и др. Подобно этому варьирующие формы *direvî / direvîya* 'бежал', *dibezî / dibezîya* 'бежал' и др. возникают в процессе перехода соответствующих глаголов из „чужого" класса (с двусложным корнем) в „свой" класс (с односложным корнем).[14]

Конкурирующие варианты образуются (хотя и реже) в связи с явлениями иррегуляризации — выпадения слова (или словоформы) из состава класса, с неминуемой в таких случаях большей или меньшей индивидуализацией форм. Например, употребление „усеченных" форм *dî* (< *dît*)

---

[12] Сознательное нормализующее воздействие на язык далеко не всесильно. Оно состоит большей частью из множества отдельных запретов, редко касаясь процессов широкого охвата. Поэтому мощные противоречивые тенденции продолжают действовать в обход всем нормам.

[13] См.: И. И. Цукерман. Очерки курдской грамматики. М., 1962 (далее — Очерки), стр. 76—128.

[14] Там же, стр. 117 и сл.

'увидел', *go* (< *got*) 'сказал' и т. п. обусловливает и их индивидуализацию — несоответствие этих форм хотя и непродуктивному, но многочисленному классу глаголов с прошедшей основой на *-t*, отнесение их к „исключениям".

Источником многообразной вариантности несомненно является неустойчивость грамматического рода в курманджи.[15] Наряду с семантически или грамматически детерминированными разрядами имен, регулярно распределяемыми между женским и мужским родом,[16] имеются многочисленные имена, родовая принадлежность которых держится только на традиции.[17] Когда же традиция в каком-либо звене слабеет, прерывается, в действие вступают разнородные ассоциации, влияния, процессы, неминуемо возникают колебания и их спутник — вариантность. Ср. в пределах одной буквы в двух курдско-русских словарях, подготовленных и изданных почти одновременно представителями одного и того же поколения курдов Армении:[18]

Помечено в словаре:

	К. К. Курдоева	Ч. Х. Бакаева
mehsûl 'продукт'	м.	ж.
memik 'грудь'	м.	ж.
meqam (*miqam*) 'мелодия'	м.	ж.
merc 'пари, заклад'	ж.	м.
merem 'цель'	м.	ж.
mewûj 'изюм'	м.	ж.
meẍber 'могила'	м.	ж.
meẍrîb (*meẍreb*) 'запад'	м.	ж.
meyt 'труп'	ж.	м.
meywe (*mêve*) 'фрукт'	м.	ж.
mezel 'могила'	ж.	м.
me'zme'zk (*mazmazk*) 'позвоночник'	м.	ж.
mij 'туман'	м.	ж.
mik'an 'возможность'	ж.	м.
mis 'медь'	м.	ж.
moz 'теленок, бычок'	м.	ж.

Причины таких расхождений многообразны, и анализ их увел бы нас слишком далеко. Не всегда они соответствуют подлинным различиям в восприятии родовой принадлежности имени. Здесь важно, однако, подчеркнуть, что пометы „ж." и „м." в принципе должны сокращенно обозначать принадлежность имени существительного к одной из двух парадигм (женской или мужской), каждая из которых включает по крайней мере 7 альтернативных форм. Иначе говоря, колебания в отнесении имени к тому или иному роду отзываются (могут отозваться) во всей цепи форм, состав-

---

[15] Соответствующие грамматические процессы подробно исследованы в диссертационной работе Ш. А. Гасаняна „Система словоизменения имен существительных в говоре курдов Армении". (Рукопись). См. также: И. И. Цукерман. Очерки грамматики курдского языка. Грамматический род имен существительных. Труды Инст. языкознания АН СССР, VI, 1956, стр. 5—56.

[16] Например, имена существительные с лексическим признаком женского пола (*mî* 'овца', *xûşk* 'сестра') относятся к женскому роду, имена с лексическим признаком мужского пола (*beran* 'баран', *bira* 'брат') — к мужскому роду. Имена существительные отвлеченные, образованные суффиксами *-î*, *-ayî*, *-tî* и т. д. (*germî* 'жара', *bilindayî* 'высота', *birati* 'братство'), автоматически отходят к женскому роду. То же — глагольные имена *hatin* 'приход', *çandin* 'сев' и т. д.

[17] Ср. *dev* 'рот' — м. р., *lêv* 'губа' — ж. р., *ba* 'ветер' — м. р., *baran* 'дождь' — ж. р., *derman* 'лекарство' — м. р. и т. д.

[18] К. К. Курдоев. Курдско-русский словарь. М., 1960; Ч. Х. Бакаев. Курдско-русский словарь. М., 1957.

ляющих женскую или мужскую парадигму. Следовательно, и в этом случае для того или иного слова могут варьировать не только отдельные словоформы, а целые парадигмы.

Широко представлена в курманджи вариантность формы косвенного падежа единственного числа имен мужского рода, включающих в свой состав открытые гласные *a*, *e* (*nan* 'хлеб', *gavan* 'пастух', *se* 'собака' и т. п.). Такие имена в косвенном падеже либо остаются неизмененными, либо образуют внутреннюю флексию, заменяя, например, открытое *a* основы закрытым *ê* или *î*. Ср. пр. пад. *nan* / *nên* / *nîn*; пр. пад. *gavan* 'пастух', косв. пад. *gavan* / *gavên* / *gavîn* / *gêvên* / *gêvîn*.

4

Число возможных вариантов, естественно, возрастает, когда мы обращаемся к синтаксическим сочетаниям, включающим несколько компонентов.

Последние два десятилетия пристальное внимание специалистов привлекает пассивно-объектный строй (пассивная, эргативная, агентивная конструкция, объектное спряжение) в курманджи.[19]

Пассивно-объектный строй в курманджи противоречив, неустойчив и поэтому склонен к деформации (преобразованиям, видоизменениям). Иноязычные влияния ускоряют процесс деформации, они расширяют сферу его действия и способствуют интенсивности его протекания.

Пассивно-объектному строю предложения с переходным глаголом в прошедших временах противостоит активно-субъектный строй предложения с тем же глаголом в настоящих временах. Ср. *te ez şand + im* 'ты меня послал', *tu min dişîn + î* 'ты меня посылаешь'; *te em şand + in* 'ты нас послал', *tu me dişîn + î* 'ты нас посылаешь'. То и другое предложение — независимо от конструкции — выражает значение действительного залога, и им совершенно одинаково противостоит предложение с формой страдательного залога. Ср. *qîz ç'êlek + ê didoşe* 'девушка доит корову', *ç'êlek tê dotinê* 'корова доится'; *qîz + ê ç'êlek dot* 'девушка подоила корову', *ç'êlek hate dotinê* 'корова подоена'.

Предложению с косвенным падежом подлежащего при переходном глаголе противостоит предложение с прямым падежом подлежащего при непереходном глаголе. Ср. в особенности безобъектные предложения: *qîz + ê got* 'девушка сказала' и *qîz hat* 'девушка пришла'.

Таких противоречивых отношений множество. Они скрыты в парадигмах, и они же постоянно реализуются синтагматически. Например, *ez dibê + m*, *min şand* 'я говорю, [что] я послал'; *ez hat + im*, *min got* 'я подошел и сказал', 'я взял и сказал'; *min nikaribû ez syar bû + ma* 'я не мог сесть верхом' и т. п. С другой стороны, переходные и непереходные глаголы гармонически соединяются в настоящих временах (*ez dikarim heřim* 'я могу пойти'), более или менее мирно уживаются в 3-м лице прошедших времен (*ewî nikaribû syar bûya* 'он не мог сесть верхом', *ewana hatin*, *pirs kirin* 'они подошли и спросили'). И поскольку для выражения отношений действительного залога, по-видимому, в большей мере приспособлены активно-субъектные формы, в конечном счете дефор-

[19] Литературу вопроса см.: И. И. Цукерман. К уточнению понятия пассивно-объектного спряжения в северном наречии курдского языка (курманджи). Палест. сборник, вып. 15 (78), 1966, стр. 197—200; см. также: Ш. А. Гасанян, И. И. Цукерман. О нарушениях пассивно-объектного строя в литературных текстах курдов Армении. Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тез. докл. на III годичной научн. сессии ЛО ИНА, Л., 1967. В сообщении реферируется работа Ш. А. Гасаняна „Явления деформации пассивно-объектного строя в курманджи". Нижеследующее наше изложение во многом опирается на эту работу Ш. А. Гасаняна.

мации подвергается пассивно-объектный строй, претерпевая такого рода изменения, которые его сближают с активно-субъектным (номинативным) строем.[20]

По степени отклонения от нормы модели группируются следующим образом:[21]

1. Переориентация глагольной формы с дополнения на подлежащее без деформации подлежащего: *wana lê nihêřî + n* (/ < *nihêřî*) / *ewana lê nihêřîn* 'они посмотрели'; *xala K'ulik dit + in* (/ < *dit*) 'дядья увидели Кулыка'; *xalê xarzîyêd xwe nas nekir* (/ < *nekir + in*) 'дядя не узнал своих племянников'.

2. Замена косвенного падежа подлежащего прямым падежом при глаголах генетически и формально переходных, но постоянно (а), обычно (б) или в каком-либо из своих значений (в) функционирующих без прямого дополнения:

а) *ew* (/ < *ewî*) *li min nihêřî* 'он на меня посмотрел', *ew* (/ < *ewî*) *banz da ser xwe* 'он вскочил';

б) *qîzik* (/ < *qîzik + ê*) *gote wê* 'девушка сказала ей', *ew* (/ < *ewî*) *nikarbû syar bûya* 'он не мог сесть верхом';

в) *zûda em* (/ < *me*) *nelîst + ine* (/ < *nelîst + iyε*) 'давно мы не танцевали', *zabitek* (/ < *zabitek + î*) *siyarî ajote nav e'reba* 'один из офицеров верхом врезался в арбы'. Деформация подлежащего в таких случаях несомненно сопровождается (или обусловлена) процессом переквалификации указанных безобъектных (узуально или окказионально) глаголов, полным или частичным (в каком-либо значении) переводом их из разряда переходных в разряд непереходных.[22]

3. Замена косвенного падежа подлежащего прямым падежом (при наличии в предложении прямого дополнения в прямом падеже): *bav* (/ < *bav + ê*) *ji kuř paç kir* 'отец тоже поцеловал сына', *kalek* (/ < *kalekî*) *t'ulum ji destê sazbend girt* 'один из стариков взял волынку из рук музыканта'.

4. Замена прямого падежа дополнения косвенным падежом (при наличии в предложении подлежащего в косвенном падеже): *Sh'id zembîl + ê* (/ < *zembîl*) *hilda* 'Сыхид взял корзину', *me wî* (/ < *ew*) *ṣandiye* 'мы его послали'.

В пределах обследованных Ш. Гасаняном литературных текстов курдов Армении в одном и том же предложении возможно: либо изменение падежной принадлежности подлежащего, либо изменение падежной принадлежности дополнения, но не одновременное изменение формы подлежащего и дополнения. Таков предел деформации именных компонентов предложения пассивно-объектного строя. За этой гранью стояли бы, в сущности, смена пассивно-объектного строя активно-субъектным и. следовательно, ликвидация в этом пункте колебаний и вариантности.

Употребление прямого падежа подлежащего вместо косвенного связано также с неустойчивостью (и, следовательно, факультативностью) флексии косвенного падежа для некоторых разрядов имен существительных, а также для некоторых сочетаний имен существительных с числительными и местоимениями. Отмечен, например, ряд колебаний в употреблении флексии косвенного падежа единственного числа для некурдских имен собственных женских (*Hasmik* / *Hasmik + ê nan ani* 'Хасмик принесла еды'); для заимствованных имен с непривычным исходом основы (*radio* /

---

[20] См.: Л. А. Пирейко. Эргативная конструкция в северо-западных иранских языках. Автореф. дисс., стр. 11 и сл.

[21] Ниже приводится ограниченное число моделей по материалам литературных текстов курдов Армении.

[22] См.: И. И. Цукерман. К определению понятия переходного глагола в курдском языке (курманджи). Палест. сборник, вып. 11 (74), 1964, стр. 39.

radio + yê xeber dida 'говорило радио'); для имен мужского рода, относящихся к первому (женскому) склонению (*E'merîk / E'merîk + ê lez nedikir* 'Амарик не спешил') и др. Ср. такие же колебания в употреблении флексии косвенного падежа множественного числа: *ew sed mêr* (/ *mêr + a*) *êmê panzde deqa şêwr kirin* 'эти сто мужчин в течение пятнадцати минут совещались'; *hinek kurmanc* (/ *kurmanc + a*) *ek'in diçandin* 'некоторые курды занимались земледелием' и др.

Во всех перечисленных случаях формы, представляющие отклонения от нормы, включая те из них, которые осознаются как ошибочные, уживаются у одного и того же лица рядом с формами нормативными, правильными, составляя в целом диахронический лимит данной конструкции. Отмеченные отклонения являются, таким образом, изменениями обратимыми, они допускаются бессознательно и, будучи осознаны, обычно (но далеко не всегда!) заменяются исходными формами.

Такова одна из возможных иллюстраций вариантности в синтаксисе

5

Вариантность в лексике (и семантике) носит несколько иной характер, чем в фонетике и грамматике. Вряд ли можно говорить о грамматическом или фонетическом обогащении. Зато обогащение (не только обновление) лексического состава новыми словами и значениями идет постоянно и в широких пределах. Возможно, поэтому свободно варьирующие слова с самого начала стремятся к семантической или стилистической дифференциации. Кроме того, лексическая вариантность, по-видимому, в большей мере осознана, связь слова со смыслом теснее, непосредственнее, чем грамматического форманта, тем более звука, и это тоже способствует детерминации вариантов.

Не углубляясь в этот вопрос, сошлемся на некоторые лексические процессы, связанные с опытом становления литературной речи на базе хорасанского курманджи в Туркмении в начале 30-х годов.

При составлении оригинальных и переводных текстов для своих учебных пособий Г. Г. Пехлеви,[23] естественно, столкнулся с необходимостью обогащения говора курдов Туркмении новыми словами или использования ранее бытовавших слов в новых, часто терминологических значениях.

Обычно поиски нужного слова, перебор возможностей для передачи нужного значения — весь этот процесс в значительной части остается за пределами изучаемого текста; на бумагу в каждом конкретном случае ложится лишь результат — одна из возможностей. Исследователь, разумеется, может обнаружить некоторые из колебаний, сравнивая и сопоставляя употребление слов во многих контекстах. Что касается Г. Г. Пехлеви, то он значительно облегчает задачу анализа тем, что часто рядом с подобранным словом (обычно в скобках) помещает другое, поясняющее слово или выражение, давая возможность читателю оценить сделанный выбор.

Ориентируясь на своего читателя (в первую очередь школьного учителя, недавнего выходца из Хорасана), который владеет не только курдским, но и местным персидским, часто тюркским и в какой-то степени русским, Г. Г. Пехлеви сопоставляет в одном значении слова различного

---

[23] Обследованы следующие пособия G. G. Pehlewî: 1) El[ê]fbayê k'ormancî. Sewa xizanan, Işqabad, 1933; 2) Kitawê qeraetê. Sewa mek't'ewê ibtedaî. Salê evvel, Işqabad, 1934; 3) Kitawê xandinê. Bolekê dowwom. Salê 2-m, Eşqabad, 1934; 4) Kitawê xandinê. Sewa giranra. Klasê evvel. Qêsmete 2-om, Eşqebat, 1935; в переводе с русского Г. Г. Пехлеви: N. S. Popova. 1) Hesaw. Salê evvel. Sewa xizanan, Işqabad, 1933; 2) Hesaw. Sewa mek't'ewêde ibtêdaîra. Bolekê 2-om. Salê dowwomi tehsîlê, Işxabad, 1934.

происхождения, объединяемые тем, что они более или менее понятны грамотному хорасанскому курду.[24] В целом можно заметить, что при выработке новой терминологии преобладает стремление опереться не только на курдский язык, но и на лексические средства персидского языка (включая, разумеется, арабские заимствования), встречаются, однако, термины русские и тюркские, нередко в сопоставлении с персидскими или курдскими синонимами. Так или иначе вариантность как результат сталкивающихся тенденций и влияний, как выражение колебаний между разными возможностями здесь лежит на поверхности.

Приведем некоторые из наиболее ясных сопоставлений.

Сопоставляются между собой заимствования из персидского (включая арабизмы): *hêywanêde ehlî* (*xanegî*) (33)[25] 'домашние животные'; *sermayedaran* (*dowletmendan*) *we molkdaran* (93) 'капиталисты (богатеи) и помещики'; *Le wî yasla 3—4 nefer jinêde we sewad kardek'in. We wanra dewên morebbî* (*terwîyet dihende*) (89) 'В этих яслях работают 3—4 грамотные [т. е. образованные] женщины. Их называют воспитательницами'.

Заимствование из персидского разъясняется при посредстве курдского или ранее усвоенного в курдском; курдский термин копирует персидский: *le zavodêde necarîyê* (*şûnê ki textan debirrin*) (61) 'на лесопильных заводах (где изготовляют [букв. пилят] доски)'; *Xizanêde xwe we xadî dek'in we hem jî wan je doşmen hivz dek'in, dadegirin* (66) 'Они растят своих птенцов и также оберегают их от врагов'; *temîr dek'in* (*çê dek'in*) (65) 'чинят'; *Her dest'ek' reîsek'* (*girek*) *xwe hene* (63) 'Каждая группа имеет своего вожака (старшего)'; *hêywanat'êde karî perweriş dedin* (*wexadî dek'in*) (72) 'разводят рабочий скот'; *Temî we bavêva çûne şikarê* (*çûne niç'irê*) (53) 'Тами с отцом отправились на охоту'; *Le wî yasla doktor t'ê, xizanan moayine dek'e* (*temaşe dek'e*) (89) 'Эти ясли посещает доктор, он осматривает детей'; *rehber* (*rêwer*) (96) 'вождь'.

Курдское слово (или термин) разъясняется при посредстве персидского: *le kinarê deryê yex girêdayê* (*moncemid*) (49) 'на берегу Ледовитого океана', букв. 'покрытого льдом (обледеневшего)'; *maşinêde kone dirûnê* (*xeyatîyê*) (103) 'швейные машины'; *fabrîkê kone dirûnê* (*lebasdûzî*) (103) 'швейные фабрики'.

Разъясняется при посредстве заимствований из тюркского: *Me wan nist k'ir* (*yox k'ir*) (78) 'Мы их уничтожили'; *hevirşomê* (*ipegê*) *derêsin* (102) 'прядут шелк'; *Polisêde padişê wî degirt'in, qezamet dek'irin, wî dekirine zindanan, wî deşandine sûninî dûrî welatê Sibirê* (*yataχ dek'irin*) (93) 'Царские полицейские хватали его, сажали его в тюрьмы, бросали в казематы, ссылали в далекую Сибирь'.

Сопоставляются слова (термины) персидские, курдские, тюркские, вообще „местные" с русскими: *rûzname* (*gazêt*) *we jûrnal dexwînin* (87) 'читают газеты и журналы'; *destrencê batrakan* (*yêtiman*) (77) 'плоды трудов батраков'; *we bayanva* (*kolak we sowdager*) (77) 'с баями (кулаки и торгаши)'; *sabranî* (*meclis*) (96) 'собрание'; *Ew pêşez wext pîlan* (*neqşe*) *çê dek'in* (102) 'Они заблаговременно составляют план'; *jinêde ûdarnîk* (*zerwedar*) (105) 'женщины-ударницы'.

---

[24] Как известно, большая часть заимствований, независимо от их былой принадлежности, легко ассимилируется. Так, огромное число арабизмов воспринимается всеми народами ареала как „свои", то же можно сказать относительно многих персизмов, тюркизмов. Тем более это относится к сообща выработанным, „ареальным" значениям слов.

[25] Все иллюстрации из: G. G. Pehlewî. Kitawê qeraetê. Sewa mek't'ewê ibtedaî. Salê evvel, Işqabad, 1934. В скобках указана страница издания.

6

Возникающие варианты в определенных условиях функционально дифференцируются, и в меру этого они перестают быть свободными вариантами. Это заметнее всего в лексике [ср. у Г. Г. Пехлеви: *tarîxê wefatê* (*mirinê*) *wî* (95) 'дата его кончины (смерти)'], но и грамматика дает немало примеров вторичной дифференциации вариантов.

Так, в говорах курдов Армении отмечена не очень ясная тенденция к распределению значений 'шить', 'жать', 'косить' между варьирующими формами глагола *dirûn* / *dirûtin*; значений 'спрашивать', 'интересоваться' — между варьирующими формами глагола *pirsin* / *pirsîyan*.[26] В некоторых случаях можно наблюдать процесс закрепления служебно-грамматической функции за деформированными („стертыми", „усеченными", „стяженными") вариантами глагольных словоформ, между тем как глагол в полных вариантах продолжает выражать вещественные значения. Ср., например, форму *got* в лексическом значении 'сказал' и форму *go* в функции „устного знака препинания", в грамматическом значении частицы, отделяющей прямую речь от косвенной, указывающей в монологе на то, что все еще продолжается речь данного лица, в диалоге — на смену говорящих лиц и т. д.: *K'eçelok got, go: „Tu qe şaîşa mek'işîne, go, ez zanim"* 'Плешивец сказал, говорит: „Не беспокойся, говорит, я знаю"'.[27]

7

Из всего сказанного вытекает вывод о том, что вариантность представляет собой явление синхронии и диахронии в одно и то же время. Совокупность свободно варьирующих единиц языковой системы составляет ее диахронический лимит.

В пределах диалекта, тем более индивидуальной языковой системы, изменения, составляющие диахронический лимит, обратимы: исходный вариант легко заменяется неотипом, неотип легко возвращается к исходному варианту. Напротив, необратимость вариантов есть показатель их диахронической или диалектной распределенности, разобщенности.

Это относится, например, к переходам глаголов из одного класса в другой. В говорах курдов Армении можно повсеместно наблюдать варьирование форм *dîtin* / > *dîn* 'видеть' (хотя оно не охватывает с одинаковой интенсивностью всю парадигму). В говоре же курдов Туркмении нам встречались только формы *dîn*; формы *dîtin* здесь, по-видимому, забыты.[28]

У отдельного лица необратимость варианта означала бы разрыв диахронический, потерю вариантом его синхронической соотнесенности с другим вариантом.

Большой, но еще далеко не достаточно изученный материал показывает, что переход слов из одного разряда в другой обычно осуществляется не фронтально, по всей парадигме, а первоначально касается отдельных словоформ или, наоборот, охватив бóльшую часть слова, останавливается, „застревает" на отдельных словоформах. Весьма показательны в этом отношении одиноко стоящие глаголы *karibûn* 'мочь' и *zanibûn* 'знать', проявляющие явную тенденцию к переходу в класс *şewîtin* (с прошедшей основой на *î*). В говорах курдов Армении широко распространено варьирование положительных форм настоящего времени

---

[26] См. Очерки, стр. 96 и сл.; стр. 121.

[27] Очерки, стр. 72 и сл.

[28] Как забыты в курманджи формы с конечным переднеязычным смычным для глаголов *birin* 'носить, уносить', *kirin* 'делать', *mirin* 'умирать', *xwarin* 'есть' и др.; ср. соответствующие южнокурдские формы *birdin*, *kirdin*, *mirdin*, *xwardin*.

(*karim* / > *dikarim* 'могу', *zanim* / > *dizanim* 'знаю'), в меньшей мере — форм конъюнктива и будущего времени (*bizanbe* / > *bizane* 'узнает'); оно возможно и у одного лица. Вариантность же в масштабе парадигмы (слова) (*karibûn* / > *karîn* 'мочь', *zanibûn* / > *zanîn* 'знать') — если она вообще имеет место — диалектно распределена. Во всяком случае варьирование, например *min nikaribû* / > *min nedikarî* 'я не мог', явно разделяет диалекты.[29]

Нередко переходы начинаются с таких словоформ (или останавливаются на таких словоформах), которые устраняют нежелательную омонимию. Замечено, например, что процесс „водворения" глаголов *revîn* 'бежать', *bezîn* 'бежать' и других в „свой" класс начался с форм 2-го л. ед. ч. прошедшего длительного времени: *direvî* / > *direvîya* 'бежал' потому, что *direvî* означает также 'бежишь', 'бежит'. Точно так же, по-видимому, остаточное варьирование *didrût* / > *didrû* 'шил', 'косил', *dijît* / > *dijî* 'жил' и др., возможно, связано с омонимией форм *didrû* ('шил' и 'шьет'), *dijî* ('жил' и 'живешь', 'живет').[30]

Такие же наблюдения сделаны в отношении процессов переквалификации имен существительных — перехода их из одного класса (рода) в другой. Переход может затронуть все слово, совокупность его форм, но может коснуться лишь отдельных словоформ.

Необратимые (диалектно или диахронически распределенные) варианты более или менее легко и д е н т и ф и ц и р у ю т с я. Отсюда один только шаг к восстановлению синхронической соотнесенности ранее разорванных вариантов, к возникновению в т о р и ч н о г о в а р ь и р о в а н и я. Ср. диалектно распределенные, но легко идентифицируемые *dibihê* / < *dibihîze* 'слышит'; *dibihîze* способно задеть не только как диалектизм, но и как несколько грубая или, наоборот, возвышенная форма и, таким образом, „пристроиться" к *dibihê* как его стилистический вариант. Чем ближе диалекты между собой (или чем меньше диахронический разрыв), тем в большей степени облегчено возникновение вторичного варьирования в каком-либо пункте системы. Поскольку, однако, вторичное варьирование отражает движение вспять, оно в целом носит, по-видимому, эпизодический характер.

8

Изолированная индивидуальная языковая система давала бы мало оснований для движения за пределы усвоенного диахронического лимита. Но реально она никогда не бывает изолированной. Она и отражает общий язык, и находится под постоянным его воздействием. Диахронический лимит индивидуальной системы у́же лимита общего языка, и, по-видимому, нет ничего существенного в индивидуальном языке, чего не было бы в общем языке. Что касается диахронического лимита общего языка, то он, естественно, отражает более сложную и вместе с тем более противоречивую систему.

Количество говорящих на каком-либо языке и их диалектное группирование, как известно, постоянно меняются, тем самым меняется диалектное распределение процессов, тенденций и их соотношений, обусловливающих наличие и характер диахронического лимита. В результате обратимые изменения становятся необратимыми, чередования свободных вариантов — соответствиями.

---

[29] Сильное тормозящее действие оказывают формы отрицания в настоящем времени: **nazanim* (< *nizanim*), **nakarim* (< *nikarim*) и т. п. нам вообще не встречались. См.: Очерки, стр. 105 и сл.

[30] Очерки, стр. 120 и сл.; 86 и сл.; 96 и сл.

В языке, включая индивидуальную языковую систему, даны процессы, тенденции; в речи — их воплощение: варьирующие фонемы, словоформы, парадигмы, лексемы, синтагмы и т. д.

9

Из изложенного, как нам представляется, вытекает следующий вывод.

При описании языка как живой системы, включая диалект любой дробности или язык отдельного человека (отраженный, например, в рукописных или печатных текстах, составленных одним лицом), необходим всесторонний учет вариантности единиц (деталей и узлов) этой системы, дающий представление о ее диахроническом лимите, о ее устремленности, характере и направлении ее движения, изменчивости.

Новые поколения усваивают язык не как застывшую, мертвую систему, а вместе с присущими ему на данном этапе противоречивыми тенденциями. То, что иногда воспринимается как недостойные внимания, внешние по отношению к языку описки, обмолвки, ошибки, на самом деле может оказаться закономерными вариантами, необходимо характеризующими систему. Во всяком случае целесообразно опираться на презумпцию правильности текста, и любые представления об ошибках и непоследовательностях должны быть строго обоснованы.

I. I. Tsukerman

VARIANTS AS A DIACHRONIC LIMIT OF LANGUAGE SYSTEM

Every language system serving as a means of communication has variants. There are variants in the language of a separate individual as well. In the limits of one text of the same person under the very same circumstances one linguistic unit may appear in two, three or even more variants, while other units may repeat without any variation.

In fact, those are fluctuations which testify to the incompletion of certain processes in the language. Variants appear at the points where contradictory processes and tendencies cross. Variants embody those processes and reveal them in speech.

Variants are simultaneously a phenomenon of both diachrony and synchrony. Every bunch of synchronic variants possesses some historic aspect representing the diachronic limit of some particular detail of the synchronic system.

The combination of all the variable units of the language system is its diachronic limit.

Language, the individual language system included, contains processes and tendencies; in speech we find the embodiment of the processes and tendencies, variable phonemes, wordforms, forms composing a paradigm, syntagmes, etc.
